

Каков он, детектив нашего времени? Каким ему быть? Какие пласты жизни, противоречия и конфликты исследуют в своих произведениях писатели, работающие в этом популярнейшем жанре? Какого человека выдвигает время в герои детективного произведения? Об этом беседуют **Георгий Вайнер, известный читателям по романам и фильмам «Место встречи изменить нельзя», «Визит к Минотавру», «Гонки по вертикали», созданным в соавторстве с Аркадием Вайнером, и молодой писатель **Сергей Устинов**, автор опубликованных недавно остросюжетных повестей «Можете на меня положиться», «Неустановленное лицо».**

— Георгий Александрович, года два назад во время одного публичного выступления вы заметили — полшутя, но отчасти и серьезно, — что детективу перестраиваться ни к чему, в фокусе его интересов и так всегда находились негативные явления нашей жизни. Помню, я слушал Вас и согласно кивал. Однако прошедшее с тех пор время показало, что многие из нас тогда, на первых порах, несколько узко донимали грандиозные процессы перестройки, только начавшейся в стране. Даже, точнее, не узко, а однобоко: как открывшуюся возможность критиковать то, что еще вчера критиковать не разрешалось.

— Я и сейчас начну с критики. Потому что «пере-стройка» — это не рытье котлована на голом месте, тут надобно, прежде чем стены возводить, подготовить площадку, очистить ее от мусора, от обломков. Да и пыли нужно время осесть, чтобы было лучше видно, что к чему...

Так вот, о предмете детектива — негативных явлениях. Их, конечно, за последние годы не стало больше. Просто о большем мы заговорили в открытую: проституция, наркомания, коррупция в управленческом аппарате, организованная преступность... Но если бы дело было только в количестве «разрешенных» тем! Все штука в том, что сам герой детектива, то есть борец с негативными явлениями, оказывался — как бы это подлинней выразиться? — не всегда на высоте.

— Вы имеете в виду многочисленные разоблачения нарушений социалистической законности, о которых мы так часто читаем в последнее время?

— Да. Газеты и журналы рассказывают о фактах злоупотреблений в милиции, прокуратуре и суде, фактах, возмущающих нашу совесть и угнетающих сознание. И хотя журналисты повествуют каждый раз о конкретных, как раньше говорили, отдельных случаях, представление об общей картине состояния наших правоохранительных органов неизбежно меняется. В сущности можно констатировать, что современный литературный милиционерский герой — это воображаемый идеал, не похожий на реальных людей, далекий от сегодняшней жизни.

— Что ж, в таком случае надо говорить о «кризисе жанра» современного детектива?

— О кризисе — нет. О перестройке, то есть о пересмотре позиций, о выработке более глубокого, более широкого взгляда — да. В милиции, в суде, в прокуратуре — как в жизни — есть умные и глупые, труженики и лентяи, герои и трусы, люди неподкупные и мздоимцы...

— Пресса пишет и о героях в органах правоохраны, о тех, кто рискнул — не с бандитом один на один схватиться, нет — встать против всемогущей круговой поруки, кто умудрился сквозь все мытарства пройти, не уронив достоинство ни свое, ни закона.

— Верно, таких людей немало, но это лишь подтверждает мою мысль: только объемный и объективный показ может вызвать доверие к герою современного детектива, желание подражать ему. Мне могут заметить сурово: а где вы были раньше? И этот упрек я приму. Хотя и замечу в скобках, что совсем не причастных к тому, что происходило в годы застоя, найдешь сейчас разве только среди малолетних... Не в качестве оправдания — в качестве иллюстрации приведу один пример. Тогдашний заместитель министра внутренних дел лично, недругнувшей рукой вымарывал из нашего романа «Лекарство против страха» описание неказистой внешности участкового инспектора. Милиционер не то что дурным человеком — он некрасивым быть не мог...

— Борьба с коррупцией внутри правоохранительной системы — это ли не тема для детектива сегодня? Мы теперь знаем, что мужества и стойкости для

этого потребно поболее, чем для внедрения в банду: там герой хоть чувствует за спиной поддержку своих...

— Согласен, тема. Но как бы тут не впасть в другую крайность: группе преступников и равнодушных противостоит один кристально чистый рыцарь, разумеется, без страха и упрека. Во-первых, такой сюжет опять будет искажением действительности. А во-вторых, ничему, кроме удовлетворения низменных чувств обывателя, такой детектив не послужит. В традициях русской литературы всегда сильны были попытки не только определить свое отношение к действительности, но и разобраться в причинах, в истоках явлений, попытки предложить выход. В нашей литературе извечна традиция учительства.

— Извините за лукавый вопрос: не бои-

за порогом профессиональной тайны

тесь «подставиться», говоря о детективе как о литературе?

— Боюсь, но не очень. Боюсь, потому что неохота вступать в заскоружный спор о жанре, как о чем-то второстепенном по отношению к другим. А не очень, потому что давно понял: горячность спорщих проистекает главным образом от их же невежества.

И в наших, и в западных детективах издавна разрабатывается целый ряд очень серьезных нравственных, социальных проблем, которые в полной мере могли бы стать предметом традиционной литературы. И главное отличие в том, что эффективность детектива, нагруженного теми же социальными проблемами, имеет в силу популярности жанра, так сказать, гораздо большую убойную силу, площадь поражения, глубину проникновения в читательские массы.

А что касается деления литературы по сортам... Это, простите, вздор. Литература, как осетрина, имеет только одну свежесть. И если детективный роман плох, то это просто плохая литература. Застойные годы богаты были не одними недостатками, многое подходит и под более жесткое определение: преступления. Литература не может, конечно, обойти эти явления стороной, оставить без изучения и осмысления. И уж коли речь зашла о преступлениях, писателям никак не избегать в той или иной мере использования атрибутов детектива.

— Мы снова вернулись к разговору о попытках с помощью детектива разобраться в причинах и истоках явлений, волнующих общество. Речь у нас шла о преступных нарушениях законности в правоохранительных органах...

— Думается, они связаны с несколькими обстоятельствами. Во-первых, на милицию, суд и прокуратуру, как часть общественного организма, не могли не наложить отпечаток все пороки времени: коррупция, пьянство, неуважение к личности. Во-вторых, у людей, работающих в органах, постепенно возникло ужасное представление о том, что человек, попавший в машину следствия, автоматически утрачивает право на сострадание и уважение.

Эти обстоятельства породили третье, самое опасное: служители правосудия твердо уверовали в свою безнаказанность. Воспитанные в условиях, когда за недостатком и недоработки в технологии на любом производстве взыскивают не сильно и к качеству работы не очень строги, они перенесли на людей, с которыми занимаются, принципы массового

бракоделства, приписок и бумажной отчетности. Человек — подследственный или подсудимый — превратился в сырье, материал производственного цикла машины юриспруденции. Восторжествовала самая страшная — применительно к людям — система представлений, что важна только правильно, грамотно составленная отчетность... А жизнь, не желающая считаться с отчетностью, дала результаты очень горькие. И как говорили недавно на брифинге в МВД СССР, где идет сейчас огромная очистительная работа с кадрами, за последние четыре года из органов милиции уволено более десяти тысяч скомпрометировавших себя работников, большое их число привлечено к уголовной ответственности.

А эта пресловутая философия «винтиков»! Мне кажется, сейчас успех пере-

базы. А вот пропавшая бесценная скрипка давала возможность во время поиска прикоснуться к чуду. Через это прикосновение сыщика к чуду мы раскрывали его собственную личность. И пытались провести в книге мысль — чудо возможно в любой работе. В сотворении неповторимого инструмента, в гениальном исполнительском мастерстве, в таланте и самоотдаче следователя, который ищет украденную у людей красоту... Вот «о чем» была книга.

— Времена меняются, и, если воспользоваться вашей терминологией, «о чем» и «про что» порой совпадают. Взять, например, ситуацию с автомобильными комиссиями. Вокруг них крутится настоящая мафия: десятки профессиональных преступников, так называемых «кидал». И самое страшное — все «в рам-

ках закона», при полном бессилии милиции. Начните собирать материал «про это» — и, возможно, получите детектив «о том», кто же тот безликий, но крайне упорный, что умудряется вопреки требованиям не только общественности, но и правоохранительных органов отстаивать правила торговли, которые и позволяют твориться этим безобразиям?..

— Или — кто в ответе за то, что dix пор не наведен порядок с пресловутыми «Березками»? Кому нужны эти порхающие по всей стране чеки, к которым сами собой липнут спекулянты, прощая грязь?

— Я думаю, здесь есть «детективная перспектива». Ведь не так давно, например нам наконец стали известны имена и «кресла» тех, кто был кровно заинтересован в незыблемости существовавших правил распределения и продажи бензина. Заинтересован рублем — и не одним...

Мы говорили о детективе, который условно можно было бы назвать «милиция против милиции». Потом о другом — экологическом. Затем о таком, который я бы определил как мафиозно-бюрократический. Вероятно, появление новых форм, новых тем, новых героев связано с кризисом прежнего милицейско-прокурорского детектива, с перестройкой внутри жанра.

Помню, как несколько лет назад «проходила инстанция» моя детективная повесть «Можете на меня положиться», где главным героем был журналист. Настаивали на «усилении роли милиции», просили убрать все, что могло угрожать чести «советских органов», — даже слово «мент» в устах преступника.

И наконец, когда повесть вышла, тогдашние сотрудники пресс-бюро МВД вожали мне руку: «Поздравляем, вы совершили революцию — первый советский частный детектив!» Во всем мире уже десятки лет действовали на страницах книг, кроме инспекторов полиции, частные сыщики и адвокаты, журналисты и просто активные люди, а тут на тебе — революция... И грустно, и смешно...

— А между тем в реальной жизни журналисты с успехом обивают сейчас хлеб у детективных писателей. Они вскрывают злоупотребления, раскрывают юрой преступления, а чаще бьются за оправдание невиновных. Из газет можно увидеть, что немалое число людей пострадало от произвола или неумения, от превышения полномочий со стороны тех, кто должен был бы их защищать. Я думаю, на передовые линии читательского спроса и интереса выходит теперь детектив не обвинитель-розыскной, а детектив оправдательный. В

этом не каприз художника, в этом примета нашего времени.

Мы забыли о милосердии. Я понимаю, это похоже на громкую красивую фразу, но при первом издании нашего романа «Эра милосердия» нам пришлось изменить название. Милосердие — поповское слово, говорили нам...

И еще. Мы так много твердили, так много писали о каком-то совершенно особом достоинстве советского человека, об отдельной гордости советских, которые на буржуев смотрят свысока, что в конце концов утратили куда-то уважение к достоинству конкретного человека. А ведь одна из принципиальных причин происходящих сейчас и сейчас еще происходящих безобразий — это отсутствие уважения к личности, к мнению, достоинству отдельного гражданина. Ибо поправне достоинства — базовый инфекционный вирус поражает самого инициатора. Попирая чужое достоинство, он становится невосприимчив к тому, что попирает его собственное. А отсутствие чувства собственного достоинства неизбежно порождает отсутствие гражданской ответственности и ответственности перед обществом.

— Как объяснить недостаток в нашем детективе героев, вступающих в борьбу со злом не за зарплату, а по долгу совести и гражданина? Наверное, стоит сказать об утрате понятия достоинства личности, случившейся в эпоху, когда «коллектив был всегда прав», когда правым заведомо считалось учреждение, а не человек. Лично я понимаю перестройку и особенно гласность как время всеобщего пробуждения социально активных сил. И потому с надеждой смотрю в будущее общества, литературы... ну, и детектива в частности.

— Мы уже говорили о том, что сегодняшняя день вызывает на авансцену детектив, имеющий оправдательный харак-

тер. И тут особое внимание привлекает фигура адвоката.

Адвокат, в сущности, такой же служитель закона, как следователь или сыщик. Его цель та же — установление справедливости. Да, и среди них наравне с подвижниками встречается люди бесчестные — но где их нет? И все-таки я хотел бы увидеть детектив, где со всей остротой был бы поставлен вопрос о вопиющем неравенстве прав защитника и обвинителя, если шире — о неравенстве обвинителя и обвиняемого. Это — результат все той же катастрофической девальвации человеческого достоинства.

— Никто не может быть признан виновным, иначе как по приговору суда...

— Так гласит закон. А на деле подследственный, то есть согласно тому же закону всего лишь пока подозреваемый в совершении преступления, фактически задолго до суда начинает отбывать наказание — в условиях, которые курортными не назовешь.

— Правосудие, вывернутое наизнанку: попал за решетку — значит, преступник, а не наоборот. Откуда взялась поговорка: был бы человек, а статья найдется? Сколько мы теперь знаем случаев, когда обвинение не подтверждалось, и тогда судорожно выискивалась хоть какая-нибудь провинность — только чтобы «оправдать» предварительное заключение! И как мало случаев, закончившихся полным оправданием невиновного...

— Одна из причин этого в том, что адвокат, защитник и интересов личности, по существу получает доступ не только к материалам дела, но и к своему клиенту лишь тогда, когда следствие закончено, когда впереди только суд... «Неделя» уже много и справедливо писала о «проблеме адвоката», проблеме, требующей скорейшего решения... А пока адвокату, который не то что права на самостоятельный сбор доказательств по делу — на непосредственное участие в предварительном следствии не имеет права, трудно быть героем, как в жизни, так и в детективе.

— Но если «адвокатский» детектив — перспектива на будущее, он будет развиваться по мере того, как будут расширяться права защитников в юридической системе, то есть детектив, который уже сегодня, мне кажется, сам просится на бумагу: судебный.

Сейчас, в эпоху демократизации и гласности, со всех сторон слышно: где оправдательные приговоры? Почему ходатаями за тех, кто потом оказался неви-

но осужденным, выступали журналисты, родственники, друзья, просто люди доброй воли? Куда смотрел единственный орган, призванный провести гласное судебное следствие, дабы установить окончательную истину, но всего лишь подслеповато утвердивший выводы следствия — предварительного?

— Вершина судебной «решительности»: отправить на доследование...

— Огромный психологический груз лежит на судьбе, когда перед ним на столе многоотомное «дело» — плод кропотливой работы юриста-следователя, скрепленный подписью и мнением другого юриста — прокурора. Но тем дороже в таких условиях цена поступка.

Берусь решительно утверждать: оправдание в зале суда есть всегда и обязательно стопроцентный материал для детектива — да какого! Здесь не просто стычка мнений. Тут борьба закона с беззаконием, сражение справедливости с несправедливостью, битва истинной гражданственности с застойной амбицией. И сюжетных поворотов в этой войне не занимать. Только что узнал последнюю историю нашего времени: судья, который вынес подряд несколько оправдательных приговоров, по общему обвинению во взятке был отозван с должности, арестован, осужден. Оправдан совсем недавно... Вот сюжет!

И все-таки хотелось бы вернуться к тому, с чего начали. К традиционному детективу, который мы определили как милицейско-прокурорский. Неужели он и впрямь изжил себя, готов отступить под натиском новых сюжетов?

— Надеюсь, нет. Ведь в тех же газетах, на которые мы сегодня так часто кивали, рядом со статьями о нарушениях законности есть другие: о разоблачениях

СЮЖЕТ ДЛЯ ДЕТЕКТИВА

крупных махинаторов, о предании суду взяточников, расхитителей и спекулянтов, о поимке опасных преступников. Тысячи честных людей продолжают делать свое очень важное и незаменимое дело...

Видимо, вместе с милицией овины в некотором падении доверия к милиционеру герою и мы, писатели, в той или иной мере причастные к былому приукрашиванию действительности. Сегодня наше общество объявило беспощадную войну жуликам и лгунам. И хотя объявить — одно, а победить — совсем другое, и я не знаю, сможем ли мы при нашей жизни «пожать руку последнему преступнику», мне хочется верить, что детектив скажет в этой войне свое слово. Ибо гласность предоставляет ему небывалую возможность вторгаться в любые социальные, в том числе ранее заповедные области.

Говорят, детективы далеки от жизни потому, что добро в них обязательно побеждает в конце концов зло... Можно считать это недостатком, а можно и достоинством. Мне кажется, благородная миссия детектива в том, чтобы, пользуясь художественной формой, заострить внимание на недостатках и показать торжество справедливости. Ну, по крайней мере, доказать, что если она, и не всегда торжествует вокруг нас, то во всяком случае, должна торжествовать. Детектив, в сущности, жанр социально-оптимистический...